

**Дарон Аджемоглу
Джеймс А. Робинсон**

**Почему одни страны богатые, а
другие бедные. Происхождение
власти, процветания и нищеты**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10748980

*Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные.
Происхождение власти, процветания и нищеты: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092736-4*

Аннотация

Книга Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные» – один из главных политэкономических бестселлеров последнего времени, эпохальная работа, сравнимая по значению с трудами Сэмюэля Хантингтона, Джареда Даймонда или Фрэнсиса Фукуямы. Авторы задаются вопросом, который в течение столетий волновал историков, экономистов и философов: в чем истоки мирового неравенства, почему мировое богатство распределено по странам и регионам мира столь неравномерно? Ответ на этот вопрос дается на стыке истории, политологии и экономики, с привлечением необычайно обширного исторического материала из всех эпох и со всех континентов, что превращает книгу в настоящую энциклопедию передовой политэкономической мысли.

Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон

Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты

Посвящается Арде и Асу – Д. А.

Para María Angélica, mi vida y mi alma – Дж. Р.

Daron Acemoglu, James A. Robinson

WHY NATIONS FAIL

The Origins of Power, Prosperity, and Poverty

Перевод с английского Дмитрия Литвинова, Павла Миронова, Сергея Сановича

Фото на задней стороне обложки: MIT Economics / L. Barry Hetherington Svein, Inge Meland

Предисловие к русскому изданию

Открытая вами книга – безусловно, один из наиболее значительных экономических трудов последнего десятилетия. Не уверен, что именно я – человек, давно не занимавшийся профессионально экономической наукой, – наиболее удачный кандидат на авторство предисловия к ней. Все, что я смогу написать здесь, будет, вероятно, субъективно и пропущено через собственный практический опыт. Так сложилось, что мне в течение целого десятилетия российской истории пришлось принимать активное участие в масштабных социальных, экономических и политических преобразованиях в нашей стране. Поэтому могу отнести себя скорее к числу потребителей научного знания в этой сфере.

Меня крайне интересует разворачивающаяся в мировой общественно-научной мысли фундаментальная дискуссия – почему одни страны процветают в экономическом отношении, а другие нет. Если посмотреть список тем, за которые их авторы были награждены Нобелевскими премиями по экономике в последние пятнадцать лет, то ничего близкого к названной мной теме там не увидишь. Тем не менее мне кажется, что именно эта проблема в каком-то смысле является вершиной экономического знания. Ведь для того, чтобы замахнуться на нее, необходимо профессиональное знание истории народов на всех пяти континентах как минимум за последние 10 тысяч лет. Помимо этого, нужно глубоко осмыслить самые современные достижения экономической науки, этнографии, социологии, биологии, философии, культурологии, демографии, политологии и еще нескольких самостоятельных сфер научных знаний. Неплохо еще и владеть хотя бы базовыми технологическими трендами, понимать отраслевые взаимосвязи от средневековой до современной экономики. Но спрос на результаты здесь настолько велик, что в этой сфере сформировалось несколько школ научной мысли. Не претендуя на полноту знаний, я бы описал их в следующем виде.

Географический детерминизм. Суть позиции его сторонников состоит в том, что наиболее значимым фактором, определяющим долгосрочные тренды странового экономического развития, является географическое положение. Вероятно, сюда же следует отнести и климатический фактор, поскольку по понятным причинам на столетних или даже тысячелетних исторических отрезках эти два фактора жестко связаны между собой. К наиболее серьезным сторонникам этого подхода относятся Джаред Даймонд, книга которого «Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ», переведенная в 2009 году на русский язык, имела в нашей стране большой успех. К этой же школе авторы настоящей книги относят Джеффри Сакса. Вполне справедливо, на мой взгляд, основоположником этого подхода они называют Монтескье, который прямо писал о влиянии климата на законы. Надо сказать, что серьезность этой школы в глазах профессиональных российских читателей была несколько подорвана одним ее российским же последователем, пытавшимся понять, почему Россия не Америка. Однако я бы не стал из-за одного графомана уничижительно судить о целой школе, хотя никак не могу отнести себя к ее последователям.

Другая научная школа – культурный детерминизм, суть которой наиболее афористично сформулирована одним из ведущих ее российских последователей Андреем Кончаловским: «Культура – это судьба». Думаю, что основоположником этой школы следует считать Макса Вебера с его главной научной работой «Протестантская этика и дух капитализма». И хотя сегодня, на фоне недавнего острого и еще не завершенного кризиса в отношениях Севера и Юга Европы, идеи его книги оказались заново востребованы, мне кажется гораздо более важной не столько собственно протестантская компонента его труда, сколько базовая идея о значимости самих культурных ценностей и традиций для экономического развития, уровня благосостояния и, собственно, судеб народов. Эта система взглядов в последние два десятилетия переживает бурный ренессанс, особенно после ставшего классическим труда Сэмюэла

Хантингтона «Столкновение цивилизаций» 1993 года. Работы Мариано Грандоны, Лоуренса Харрисона (особенно недавно переведенная на русский язык «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма») просто сметают убогие рамки политкорректности и, несомненно, выдвигают школу культурного детерминизма в число наиболее передовых и ярких.

Вероятно, поэтому для авторов настоящего труда именно школа культурного детерминизма является, как мне кажется, наиболее серьезным оппонентом. Они сами, относя себя к числу сторонников институциональной школы, многократно в тексте своей работы возвращаются к спору с «культурными детерминистами». Но и у самих институционалистов, как известно, великие учителя – неслучайно одной из основополагающих категорий, на которой базируются логические построения этой книги, является введенное в научный оборот Шумпетером «созидательное разрушение».

Но есть еще одна школа с не менее богатыми научными корнями, которая исходит из того, что основным фактором, определяющим и уровень развития общества, и степень зрелости его политических институтов, является собственно уровень экономического развития. С точки зрения ее сторонников, именно экономика и ее материальная основа определяют тренды социально-политического развития. Этот подход объединяет авторов, имеющих иногда диаметрально противоположные политические взгляды. Достаточно назвать, скажем, основоположника марксизма и Егора Гайдара – теоретика и практика наиболее масштабного в истории перехода от социализма к капитализму. По Марксу, как мы помним, именно развитие производительных сил должно с неизбежностью привести к смене общественно-экономических формаций. А у Гайдара в его важнейшем, с моей точки зрения, труде «Долгое время» целая глава посвящена экономическому детерминизму и опыту XX века. Представление о том, что появление среднего класса в современных обществах формирует спрос на демократию и создает базу ее устойчивости, весьма распространено как в научной среде, так и далеко за ее пределами. К сожалению, по непонятным мне причинам авторы настоящего труда практически не уделили внимания этой научной школе.

На этом можно было бы закончить перечень школ, но у авторов описана еще одна – «школа невежества», как они ее называют. Базовая идея – власти принимают ошибочные решения просто от отсутствия необходимых знаний. Конечно, оспаривать тезис о необходимости профессиональных знаний в управлении государством бессмысленно, однако, на мой взгляд, это настолько банально, что вряд ли стоит всерьез доказывать эту необходимость. В этом вопросе я бы точно согласился с авторами монографии, которые поместили описание этой школы в главу под названием «Теории, которые не работают».

На этом, как мы видим, весьма основательно вспаханном научном поле с фундаментальными научными корнями и бурным развитием в последние полтора-два десятилетия совсем не просто совершить самостоятельный прорыв. Если из моего описания у кого-то сложится впечатление, что авторы просто обозначили свое место на нем, отнеся свою работу к институциональной школе, то это, конечно, не так. Книга, вне всякого сомнения, продвигает вперед и саму институциональную школу, и в целом научные исследования в этой сфере. Сами по себе введенные авторами категории экстрактивных и инклюзивных институтов содержат и научную новизну, и, вероятно, определенную предсказательную силу. Интуитивная «понятность» этих терминов никак не снижает уровень фундаментальности основанных на них теоретических конструкций. Авторам удалось преодолеть именно то, что и является основной сложностью подобного рода исследований, и предложить язык, который позволяет содержательно вскрыть и описать причины процветания народов и стран на историческом отрезке около 10 тысяч лет и с географическим разбросом на все пять континентов. Как это ни парадоксально, но предлагаемые ими описания причин относительного успеха британской колонизации Северной Америки и относительного неуспеха португальской и испан-

ской колонизации Южной и Латинской Америки выглядят не менее убедительно, чем анализ причин удаchi Славной революции Вильгельма Оранского в Англии в 1688 году или неудач Северной Кореи в наши дни. И хотя логика авторов, как было сказано, базируется на введенных ими категориях инклюзивных и экстрактивных политических и экономических институтов, но она, конечно же, не исчерпывается ими. Если позволительно автору предисловия существенно упростить суть изложенной в книге концепции, она выглядит примерно так.

1. В течение длительного времени (десятилетия, столетия, а иногда и тысячелетия) народы накапливают незначительные изменения в уровне сложности общества и действующих в нем социальных механизмов, которые могут несильно отличаться даже у соседних в географическом отношении народов.

2. В какой-то исторический момент происходит масштабное изменение внешней среды (например, географические открытия создают колоссальные торговые возможности, или, скажем, высадившиеся на новых землях колонисты сталкиваются с абсолютно новой природной, климатической и этнографической средой).

3. Какие-то общества оказываются способны не просто принять эти вызовы, а адаптировать, встроить их в свою культуру через рождающиеся в этот момент инклюзивные институты, а для других этот же процесс освоения идет через усиление ранее существовавших экстрактивных институтов. Так начинается дивергенция – расхождение близких по уровню развития, иногда соседних, государств на разные исторические траектории. Далеко не всегда сразу очевидно, какой из вариантов дает долгосрочный результат. Скажем, испанская колонизация Латинской Америки привела к мощному потоку золота в страну, в отличие от английской колонизации Северной Америки. Однако именно этот поток золота и усилил экстрактивность испанского государства, а отрыв богатеющей испанской короны (обладавшей, как мы сказали бы сейчас, монополией внешней торговли) от иных сословий и стал «началом заката» средневековой испанской монархии.

4. Само по себе зарождение инклюзивных институтов требует совпадения нескольких предпосылок в единственно правильный исторический момент времени («точка перелома»). Главная из этих предпосылок – наличие широкой коалиции разнородных сил, заинтересованных в создании новых институтов, и долгосрочное признание каждой из них права других сил на защиту своих интересов. В этом, по мысли авторов, и состоит основа выживания инклюзивных институтов – безусловное признание их участниками абсолютной ценности плюрализма.

5. Инклюзивные и экстрактивные институты запускают сложные обратные связи, которые могут иметь как положительный («благотворная обратная связь»), так и отрицательный («порочный круг») характер.

6. Инклюзивные институты создают устойчивый долгосрочный рост благосостояния. Экстрактивные институты тоже способны запустить рост, однако он будет неустойчивым и недолгосрочным. Рост при инклюзивных институтах допускает «созидательное разрушение» и тем самым поддерживает технический прогресс и инновации. Экстрактивные институты лишь в весьма ограниченных масштабах способны запустить инновационные процессы.

7. В любом случае важнейшей предпосылкой действенности не только экстрактивных, но и инклюзивных институтов авторы считают наличие существенного уровня «централизации», который дает возможность государству распространить на всю свою территорию действие самих институтов.

Авторы категорически против концепций «исторического детерминизма» и поэтому сдержанно оценивают предсказательную силу собственной теории. Однако было интересно

познакомиться с их взглядами (иногда очевидными, иногда неожиданными) на возможности экономического роста в ряде стран в ближайшие десятилетия. Так, в оптимистические прогнозы попадают, скажем, Бразилия и Ботсвана, а в пессимистические – Венесуэла и Китай. Россия, естественно, не была в центре внимания авторов, однако из сделанного ими сжатого анализа они делают пессимистический вывод в отношении нашего будущего. Не вступая в спор, отмечу, что, если бы авторы сделали более подробный анализ нашей истории за последние, скажем, сто лет, они бы обнаружили ясно просматривающееся доминирование в разные периоды экстрактивных или инклюзивных институтов. Думаю, что и те и другие периоды можно было бы легко увидеть как в нашей истории с 1917 по 1991 год, так и в новейшей истории.

При всей привлекательности интеллектуальной конструкции, созданной авторами, она не лишена некоторых слабостей. На мой взгляд, базовая логика авторов выглядит избыточно линейной, явно или неявно придавая термину «инклюзивность» неотделимую позитивную коннотацию. А ведь даже на уровне здравого смысла понятно, что затягивание перехода к инклюзивности для многих стран имело под собой исторические основания. Так, сами авторы убедительно показывают, что победа северян в гражданской войне в США хоть формально и обеспечила принятие в 1865 году поправки к Конституции, запрещающей рабство, однако на деле экстрактивные политические и экономические институты действовали на юге США еще около ста лет. Ясно, что у такого сложнейшего и длительного периода истории не могло не быть глубинных культурных, социальных и экономических причин. Да и само по себе сословное устройство большинства современных государств вплоть до XIX века тоже имело свои фундаментальные основания. Это как минимум означает, что исторически преждевременный «силовой» переход к инклюзивным институтам может иметь просто неприемлемую социально-экономическую цену. Следовательно, «инклюзивность» при всей ее естественной привлекательности нельзя возводить в абсолют. Собственно, именно это и демонстрирует нам совсем недавняя история Ирака, Ливии и Египта. Мне кажется, что тема «ловушки преждевременной инклюзивности» ждет своего исследования (авторами или их последователями), которое вполне может быть осуществлено не через разрушение, а через развитие предложенной в книге концепции.

Подводя итог, скажу, что эта книга не просто ставит вопросы, она дает ответы, которые, безусловно, привносят новое понимание причин успехов и неудач развития обществ и государств на тысячелетних исторических отрезках. Мало этого, она предлагает универсальный ключ к пониманию этих причин. При этом авторы ухитрились описать эту грандиозную задачу очень простым живым языком, практически не требующим от читателя серьезной профессиональной подготовки. Я уверен, что перевод ее на русский язык (который, на мой взгляд, выполнен очень качественно) откроет широкому кругу российских интеллектуалов новое знание о нашей стране и о мире.

А. Б. Чубайс

Предисловие

Эта книга посвящена огромному разрыву в доходах и уровне жизни, который разделяет самые богатые страны – такие как США, Великобритания и Германия, и самые бедные – страны тропической Африки, Центральной Америки и Южной Азии.

За написанием этого предисловия нас застала «арабская весна», которая началась с так называемой «жасминовой революции» в Тунисе и затронула многие страны Северной Африки и Ближнего Востока. «Жасминовую революцию» спровоцировало самосожжение уличного торговца Мохаммеда Буазизи 17 декабря 2010 года, вызвавшее возмущение и народные волнения по всей стране. Уже 14 января президент Зин эль-Абидин Бен Али, правивший Тунисом с 1987 года, был вынужден уйти в отставку, что, однако, не успокоило протестующих, а, наоборот, усилило их недовольство правящей элитой Туниса. Более того, революционные настроения распространились на соседние страны. Хосни Мубарак, железной рукой правивший Египтом в течение почти тридцати лет, был смещен со своего поста 11 февраля 2011 года. Судьбы политических режимов Бахрейна, Ливии, Сирии и Йемена были еще неизвестны, когда мы заканчивали это предисловие.

Причины народного недовольства в этих странах коренятся в бедности большинства населения. Средний египтянин зарабатывает примерно 12 % от того, что получает средний американец, а его ожидаемая продолжительность жизни на десять лет меньше. Двадцать процентов населения Египта живут и вовсе за гранью нищеты. Но хотя разница между США и Египтом весьма существенна, она все же меньше той пропасти, которая разделяет США и беднейшие страны мира, такие как Северная Корея, Сьерра-Леоне или Зимбабве, где в абсолютной, страшной нищете живет больше половины населения.

Почему Египет настолько беднее США? Что мешает ему стать богаче? Можно ли искоренить бедность в Египте или она неизбежна? Чтобы найти ответы на эти вопросы, стоит послушать, как сами египтяне объясняют свои проблемы и причины восстания против Мубарака. 24-летняя Ноха Хамед, сотрудница каирского рекламного агентства, ясно выразила свое мнение во время демонстрации на площади Тахрир: «Мы страдаем от коррупции, репрессий и плохого образования. Мы выживаем несмотря на эту коррупционную систему и хотим ее изменить». Другой участник демонстрации, двадцатилетний студент-фармацевт Мосааб эль-Шами, согласен с этим мнением: «Я надеюсь, что к концу этого года у нас будет всенародно избранное правительство, права и свободы человека будут защищены, а коррупции, которая разъедает эту страну, будет положен конец». Протестующие на площади Тахрир были единодушны в том, что правительство погрязло в коррупции, неспособно предоставить базовые услуги населению и добиться равенства возможностей для всех граждан.

Вышедших на площадь особенно возмущало отсутствие политических прав и репрессии. Бывший генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) египтянин Мохаммед эль-Барадеи 13 января 2011 года написал в своем «Твиттере»: «Тунис: репрессии + социальная несправедливость + отсутствие каналов для мирного изменения системы = бомба замедленного действия». Жители Египта, так же как и Туниса, были уверены, что их экономические трудности объясняются прежде всего отсутствием у них политических прав. Когда демонстранты начали выдвигать более конкретные требования, то первые двенадцать пунктов – их сформулировал программист и блогер Ваэль Халиль, один из лидеров протестующих, – оказались исключительно политическими. Такие вопросы, как повышение минимальной зарплаты, предполагалось разрешить позже.

По мнению самих египтян, проблемы, которые мешают им развиваться, – это в первую очередь неэффективное и коррумпированное правительство и неэффективные социальные структуры, которые не позволяют гражданам применить свои таланты, мастерство и образо-

вание (даже то, которое им удастся получить). Экономические трудности являются прямым следствием монополизации власти узкой элитой и того, как она этой властью распоряжается. Поэтому, делают вывод египетские демонстранты, начинать надо с изменения именно политической системы.

Однако этот вывод полностью расходится с общепринятой теорией, объясняющей трудности Египта. Когда ученые и комментаторы рассуждают о том, почему Египет и подобные ему страны так бедны, они называют совершенно другие причины. Одни утверждают, что бедность Египта объясняется географическими факторами: большую часть страны занимает пустыня, почва бедна, осадков для орошения земель не хватает, и в целом климат не способствует развитию эффективного сельского хозяйства. Другие указывают на культурные традиции египтян, которые рассматриваются ими как неблагоприятные для экономического развития и накопления богатства. У египтян, по мнению этих критиков, отсутствует трудовая этика, которая позволила другим народам прийти к процветанию. Более того, египтяне в большинстве своем исповедуют ислам, а эта религия также несовместима с экономическим успехом. Наконец, третьи (таких большинство среди экономистов и специалистов по экономическим реформам) уверяют, что правители Египта просто не знают, что именно принесет их стране процветание, и расхлебывают последствия собственной ошибочной политики в прошлом. Вот если бы эти правители получили правильные советы – от правильных советников, – страна встала бы на путь процветания, уверены эти аналитики. Все эти ученые и эксперты совершенно не считают ключом к пониманию экономических проблем, стоящих перед Египтом, тот факт, что страна управляется узкой прослойкой элиты, которая обогащается за счет всего остального населения.

В этой книге мы покажем, что именно обычные египтяне, вышедшие на площадь Тахрир, а вовсе не экономисты и эксперты, оказались правы. На самом деле Египет беден именно потому, что им управляла узкая прослойка элиты, которая организовала экономику таким образом, чтобы обогащаться в ущерб всему остальному населению. Политическая власть в стране была сконцентрирована в одних руках и использовалась для того, чтобы обогащать властную элиту, например самого президента Мубарака, чье состояние оценивалось в 70 миллиардов долларов. Проигравшими в этой системе оказались простые жители Египта. И именно они, египтяне, а не посторонние, пусть и хорошо образованные наблюдатели, поняли, в чем дело.

В нашей книге мы также продемонстрируем, что подобное объяснение причин бедности страны – объяснение, которое дают сами граждане, – универсально и его можно приложить к любой бедной стране. Неважно, идет ли речь о Северной Корее, Сьерра-Леоне или Зимбабве, – мы покажем, что все бедные страны бедны по тем же причинам, что и Египет. А такие страны, как США и Великобритания, стали богатыми потому, что их граждане свергли элиту, которая контролировала власть, и создали общество, в котором политическая власть распределена значительно более равномерно, правительство подотчетно гражданам и реагирует на их требования, а экономические стимулы и возможность разбогатеть есть у широких слоев населения. Мы попытаемся объяснить, почему для того, чтобы найти истоки огромного неравенства в современном мире, нужно углубиться в прошлое и проследить динамику исторических процессов. В частности, мы увидим, что сегодня Великобритания богаче Египта потому, что в 1688 году в ней (если быть точным, то в Англии) произошла революция, которая изменила политический строй, а затем и экономику страны. Ее граждане завоевали политические права и использовали их, чтобы расширить собственные экономические возможности. Результатом стали две принципиально разные траектории политического и экономического развития у Великобритании и у Египта. Великобританию ее траектория скоро привела, в частности, к промышленной революции.

Но в Египте промышленная революция не произошла и технологии, которые она принесла человечеству, не распространились – потому что Египет в то время находился под властью Османской империи, которая управляла им примерно так же, как спустя столетия будет управлять Хосни Мубарак. Правление турок в Египте закончилось после египетского похода Наполеона (1798), но вскоре страна попала в орбиту влияния Британской колониальной империи, которая была не больше Османской заинтересована в процветании Египта. И хотя египтяне смогли в конце концов избавиться от британского владычества, как в свое время избавились от османского, а в 1952 году свергли своего короля, это все же не было похоже на «Славную революцию» в Англии: вместо того чтобы принципиально изменить политический режим в Египте, этот переворот лишь привел к власти другую группу элиты, столь же узкую и не более заинтересованную в экономическом развитии страны, чем были в этом заинтересованы турки и англичане. В результате социальная структура общества и экономическая система остались прежними, и это обрекло Египет на бедность, которая не преодолена до сих пор.

В этой книге мы увидим, как по траектории развития, подобной египетской, раз за разом начинают двигаться самые разные страны и почему лишь в некоторых случаях эта траектория сменяется на другую, восходящую – как это произошло в 1688 году в Англии и в 1789 году во Франции. Это поможет нам понять, изменилась ли ситуация в Египте сейчас и сможет ли революция, свергнувшая Мубарака, привести к созданию таких политических и экономических институтов, которые обеспечат Египту процветание. Революции, которые происходили в Египте в прошлом, не изменили ситуацию в стране, потому что те, кто в результате приходил к власти, просто занимали место свергнутой элиты и воссоздавали систему самообогащения за счет всех остальных жителей.

Обычным гражданам и в самом деле непросто сосредоточить реальную власть в своих руках и изменить экономическую систему в стране. Однако это возможно, и мы увидим, как это получалось, причем не только в Англии, Франции или США, но и в Японии, Ботсване и Бразилии. Изменение политического режима – вот где ключ к выходу из бедности и, в конечном счете, ключ к процветанию. В Египте есть признаки именно такой политической трансформации. Вот что говорит Реда Метвали, еще один протестующий на площади Тахрир: «Сейчас здесь собрались вместе мусульмане и христиане, молодые и старые, и все они идут к одной общей цели». Как мы увидим в дальнейшем, именно подобное широкое общественное движение становилось мотором успешных политических трансформаций. Если мы поймем, где и почему удавались эти трансформации, мы сможем лучше оценить потенциал сегодняшних революционных событий – вернется ли после них все на круги своя, как не раз бывало в прошлом, или система принципиально изменится и принесет успех и процветание миллионам людей.

Глава 1

Так близко – и так по-разному

Экономика Рио-Гранде

Город Ногалес разделен пополам стеной. К северу от стены расположен «американский» Ногалес: округ Санта-Круз, штат Аризона, США. Средний доход на семью в этом городе – 30 000 долларов в год. Большинство подростков здесь ходят в школу, а большинство взрослых школу закончили. Несмотря на все критические замечания, которые можно высказать в адрес американской системы здравоохранения, население города обладает относительно неплохим здоровьем и (по мировым меркам) высокой ожидаемой продолжительностью жизни. Многим из жителей Ногалеса больше 65 лет, они имеют доступ к *Medicare*,¹ и это лишь одна из многих государственных услуг, которые граждане воспринимают как сами собой разумеющиеся. А ведь есть еще электричество, телефонная связь, канализация, здравоохранение, сеть дорог, которые связывают город с другими городами поблизости и со страной в целом, и – далеко не в последнюю очередь – закон и порядок. Жители Ногалеса могут заниматься своими делами без страха за свою жизнь и здоровье. Им не приходится все время опасаться ограбления, экспроприации или чего-то еще, что может угрожать их инвестициям в собственное дело или в недвижимость. Не менее важно, что жители Ногалеса, штат Аризона, воспринимают правительство – пусть оно недостаточно эффективно и в нем бывают случаи коррупции – как своего наемного менеджера. Они могут проголосовать и сменить своего мэра, конгрессмена и сенатора; они голосуют на президентских выборах, которые определяют, кто возглавит страну. Привычка к демократии – их вторая натура.

Жизнь всего в нескольких футах отсюда, к югу от стены, разительно отличается от описанной картины. Хотя жители города Ногалес, штат Сонора, живут в относительно благополучной части Мексики, доход средней семьи в нем равен примерно трети дохода средней семьи в американской части Ногалеса. Большинство взрослых жителей «мексиканского» Ногалеса не окончили школу, а большинство подростков в нее не ходят. Матерей тревожит высокий уровень младенческой смертности. Учитывая плохое состояние государственной системы здравоохранения, не приходится удивляться тому, что жители мексиканского Ногалеса живут не так долго, как их северные соседи. К тому же у них нет доступа и ко многим другим услугам. Дороги к югу от стены находятся в плохом состоянии. Не лучше обстоит дело с поддержанием закона и порядка. Уровень преступности высок, и открыть свой бизнес – дело небезопасное. Вы не только рискуете быть ограбленным, но даже получение всех необходимых разрешений и подкуп всех нужных чиновников, без чего невозможно начать дело, – задача не из легких. А жители Ногалеса, штат Сонора, имеют дело с коррумпированными и некомпетентными чиновниками каждый день.

В отличие от опыта их северных соседей, демократия – сравнительно новый опыт для жителей мексиканского Ногалеса. Вплоть до реформ 2000 года город, так же как и вся остальная Мексика, был под контролем коррупционеров из Институционально-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*).

Как могут быть две части одного города такими разными? Это не спишешь на разницу в географическом положении, климате или типах заболеваний, характерных для той или иной

¹ Одна из федеральных программ медицинского страхования для граждан старше 65 лет. Существует с 1965 года. Здесь и далее – примечания редактора, если не оговорено иное.

территории, ведь микробы могут беспрепятственно пересекать границу между США и Мексикой. Разумеется, состояние здоровья жителей в двух частях города заметно различается, но это никак не связано с естественным эпидемиологическим фоном; дело просто в том, что люди к югу от стены живут в худших санитарных условиях и не имеют доступа к качественной медицинской помощи.

Но, возможно, причина в самих людях? Может быть, жители Ногалеса, штат Аризона, – внуки европейских мигрантов, а их южные соседи – потомки ацтеков? Отнюдь. Происхождение людей по обе стороны стены очень схоже. После того как Мексика обрела независимость от Испании в 1821 году, местность, где сегодня стоят два Ногалеса, была частью штата Старая Калифорния (*Vieja California*) и осталась ею даже после американо-мексиканской войны 1846–1848 годов. Только после покупки Гадсдена² в 1853 году граница США была отодвинута в этот район. Лейтенант Натаниэль Мичлер, армейский топограф, описывая территорию вдоль новой государственной границы, отметил «небольшую долину Лос-Ногалес». Здесь, с двух сторон от границы, и выросли два города. Жители Ногалеса, штат Аризона, и Ногалеса, штат Сонора, имели одних и тех же предков, ели одну и ту же еду, слушали одну и ту же музыку и, рискуя утверждать, принадлежали к одной и той же культуре.

Разумеется, существует простое и очевидное объяснение различиям между двумя половинами Ногалеса, и оно, вероятно, давно уже пришло вам в голову: это, собственно, сама граница между двумя этими половинами. Ногалес, штат Аризона, находится в США. В распоряжении его жителей – американские экономические институты, которые позволяют им свободно выбирать профессию, получать образование и необходимые навыки, а их работодателей стимулируют инвестировать в самые передовые технологии, в результате чего они смогут повысить свои прибыли. Жители «американского» Ногалеса имеют доступ и к политическим институтам, которые открывают возможность участия в демократических процедурах – избрании своих представителей и их замене в случае неудовлетворительной работы. В результате политики обеспечивают базовые услуги – от системы здравоохранения и дорог до закона и порядка, – спрос на которые предъявляют граждане.

Жителям Ногалеса, штат Сонора, повезло меньше. Они живут в другом мире, который сформирован работой других институтов, создающих совсем иные стимулы и для жителей «мексиканского» Ногалеса, и для тех предпринимателей и компаний, которые хотели бы здесь инвестировать. Различные стимулы, которые порождены различными институтами двух Ногалесов и двух стран, в которых расположены эти города, и есть главная причина принципиальных отличий в уровне благосостояния с одной и с другой стороны границы.

Почему американские институты настолько более благоприятны для экономического процветания, чем институты Мексики (да и других стран Латинской Америки)? Ответ на этот вопрос уходит корнями в те различия между государствами и обществами, которые сформировались еще в колониальный период. Институциональная дивергенция началась еще в те далекие времена, но ее последствия ощущаются по сей день. Для того чтобы понять суть этой дивергенции, мы должны начать с момента, когда были основаны первые колонии в Северной и Южной Америке.

² *Gadsden Purchase* – сделка, в ходе которой США за 10 миллионов долларов купили у Мексики земли площадью 120 000 км², в настоящее время составляющие часть территории штатов Аризона и Нью-Мексико. Со стороны США сделку проводил Джеймс Гадсден.

Основание Буэнос-Айреса

В начале 1516 года корабли испанского мореплавателя Хуана Диаса де Солиса вошли в обширное русло большой реки на восточном побережье Южной Америки. Продвигаясь вверх по реке вглубь континента, Солис объявил эти земли собственностью Испании, а реку назвал *Río de la Plata*, Серебряная река, потому что у местных жителей обнаружилось большое количество серебра. Аборигены, жившие по обеим сторонам устья, – народность чарруа на территории нынешнего Уругвая и племя керанди, населявшее равнины, которые позже назовут *пампой* (часть современной Аргентины), – встречали гостей враждебно. Местные жители были охотниками и собирателями, они жили маленькими группами, не зная никакой централизованной политической власти. Одна из таких групп чарруа забила Солиса насмерть дубинами, когда путешественник пытался исследовать новые уголки территории, которую он хотел подчинить испанской короне.

В 1534 году Испания, продолжавшая с оптимизмом смотреть на будущее своих колоний, отправила в эти места первую группу поселенцев под предводительством Педро де Мендосы. В том же году Мендоса основал поселение, из которого впоследствии вырастет город Буэнос-Айрес. Поселение отличалось гостеприимным, умеренным климатом (испанское название *Buenos Aires* буквально означает «хороший воздух») и должно было стать идеальным местом для европейцев. Однако первая попытка испанцев закрепиться в новом поселении оказалась неудачной: ведь они пришли вовсе не за хорошим воздухом, а для того, чтобы извлекать местные ресурсы и заставить местных жителей работать на себя. Но чарруа и керанди не отличались услужливостью. Они отказывались снабжать испанцев припасами, а когда их захватывали в плен, отказывались работать. Они постоянно нападали на новое поселение, осыпая его стрелами из своих луков. Испанцы начали страдать от голода, поскольку не рассчитывали, что добывать себе пищу им придется самостоятельно.

Оказалось, что Буэнос-Айрес совсем не город мечты. Местных жителей было трудно заставить работать. В окрестностях не оказалось месторождений серебра или золота, пригодных для разработки, а серебро, которое видел у туземцев де Солис, проделало, как выяснилось, длинный путь из царства инков, лежавшего в Андах, далеко на западе.

Пытаясь выжить, испанцы стали посылать экспедиции в поисках нового места, более богатого ресурсами и населенного более покладистыми жителями, которыми легче будет управлять силой. В 1537 году одна из таких экспедиций под руководством Хуана де Айоласа в поисках пути к царству инков проникла вглубь бассейна реки Параны. По дороге испанцы установили контакт с гуарани, оседлым народом, аграрная экономика которых была основана на культивировании маиса и маниока. Айолас быстро сообразил, что это открывает совсем иные перспективы, нежели бесплодные конфликты с чарруа и керанди. Короткая схватка увенчалась победой испанцев, которые подавили сопротивление гуарани и основали город Нуэстра-Сеньора-Санта-Мария-де-ла-Асунсьон (*Nuestra Señora Santa María de la Asunción*, «город Успения Господи нашей Девы Марии»). Город Асунсьон и сегодня остается столицей Парагвая. Конкистадоры переженились на гуаранских принцессах и быстро утвердили себя как новую аристократию. Они адаптировали под свои нужды уже существовавшую у гуарани систему принудительного труда и традицию выплаты дани. Эта была именно такая колония, какую они всегда хотели основать, и всего за четыре года все испанские поселенцы покинули Буэнос-Айрес и перебрались на новое место. А Буэнос-Айрес, «Париж Южной Америки», город с широкими бульварами в европейском стиле, чье богатство основано на огромных аграрных ресурсах пампы, был снова заселен лишь в 1580 году.

Уход из Буэнос-Айреса и покорение гуарани демонстрирует логику европейской колонизации обеих Америк. Ранние испанские и, как мы увидим дальше, английские колонисты

не имели ни малейшего желания обрабатывать землю собственными руками; они хотели, чтобы за них это делали другие, точно так же как золото, серебро и другие сокровища они предпочитали добывать с помощью грабежа.

Из Кахамарки...

Предприятиям Солиса, Мендосы и Айоласа предшествовали более знаменитые экспедиции, в первой из которых Христофор Колумб 12 октября 1492 года открыл один из Багамских островов. Но всерьез испанская экспансия и колонизация обеих Америк началась с вторжения Эрнана Кортеса в Мексику в 1519 году, экспедиции Франсиско Писарро в Чили полутора десятилетиями позже и путешествия Педро де Мендосы по Ла-Плате еще два года спустя. Столетием позже Испания уже покорила и колонизовала почти всю центральную, западную и южную часть Южной Америки, тогда как Португалия заполучила Бразилию на востоке континента.

Испанская стратегия колонизации была очень эффективной. Впервые доведенная до совершенства Кортесом в Мексике, эта стратегия исходила из наблюдения, что лучший способ подавить сопротивление местных жителей – это взять в плен их вождя. Эта стратегия позволяла захватить уже собранные богатства вождя и заставить его подданных обеспечивать захватчиков едой и платить дань. Следующим шагом было утверждение себя в качестве новой элиты и установление контроля над уже существующими методами сбора налогов и дани и, что особенно важно, принуждения к труду.

Когда 8 ноября 1519 года Кортес и его люди прибыли в великолепную столицу ацтеков Теночтитлан, их приветствовал Монтесума, император ацтеков, который решил послушаться своих советников и встретить испанцев с миром. То, что произошло дальше, прекрасно описано в составленном после 1545 года отчете францисканского монаха Бернардино де Саагуна, знаменитый труд которого известен под названием «Флорентийский кодекс»:

«[Наконец] они [испанцы] смогли захватить в плен Монтесуму... и раздались выстрелы из всех ружей... Страх охватил всех. Как будто сердце у всех ушло в пятки от ужаса. Еще до захода солнца людей начали захватывать в плен, и это буквально ошеломило местных жителей.

С рассветом было объявлено, что требуют доставить себе [испанцы]: белых черепах, жареных индеек, яйца, чистую воду, дрова и древесный уголь... Объявил об этом сам Монтесума. Когда испанцы получили требуемое и удобно устроились в городе, они стали выяснять, какие в нем есть богатства... особенно рьяно они допытывались о золоте. И тогда Монтесума повел испанцев за собой. Они шли, окружая его, и каждый держал его.

И когда они достигли сокровищницы, называемой Теокалько, они увидели принесенные туда все драгоценные камни, опахала из перьев птицы кетцаль, щиты и золотые диски, золотые ленты, пояса и повязки.

После этого золото было отделено от остальных сокровищ... и переплавлено. Испанцы получили золото в слитках... И потом они пошли дальше, ища все, что может приглянуться им, и забирали это себе.

После этого они пошли к личной сокровищнице Монтесумы, называемой Тотокалько... и забрали все, что ему принадлежало, – все его драгоценности, все ожерелья с подвесками, ленты, украшенные перьями кетцаля, золотые повязки, браслеты, обшитые золотом ленты и бирюзовую диадему, символ императорской власти. Они забрали все».

Военное покорение империи ацтеков было завершено в 1521 году. Кортес – теперь губернатор провинции Новая Испания – с помощью института, который назы-

вался *энкомьенда*,³ начал распределение самого ценного ресурса – местного населения. Энкомьенда возникла в Испании в XIV веке в ходе реконкисты (процесса отвоевания южной части Пиренейского полуострова у мавров – мусульман, которые захватили эту территорию еще в VIII столетии). В Новом Свете энкомьенда приняла гораздо более тяжелую форму – коренные жители полностью отдавались во власть испанца-колониста, который назывался *энкомендеро*. Местные жители обязаны были платить энкомендеро оброк и работать на него, а энкомендеро взамен обязывался обратить своих работников в христианство.

Яркое раннее свидетельство того, как работала энкомьенда, дает нам Бартоломе де Лас Касас, доминиканский священник и один из самых непримиримых критиков испанской колониальной системы. Лас Касас прибыл на испанский остров Гаити в 1502 году с экспедицией нового губернатора колоний Николаса де Овандо. Священник быстро понял действительные намерения своих начальников и ужаснулся жестокой эксплуатации коренных жителей, которую он наблюдал каждый день. В 1513 году в качестве капеллана он принял участие в испанском завоевании Кубы и даже был пожалован энкомьендой за свою службу. Однако он отказался от пожалования и начал долгую кампанию за реформу испанских колониальных институтов. Кульминацией его усилий стала книга «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий» (1542) – уничтожающая критика варварского испанского владычества. Вот что он писал об энкомьенде в Никарагуа:

«Каждый из испанских поселенцев приезжал в предназначенный для него город (официально город «вверялся его попечению»), заставлял всех остальных жителей работать на себя, отбирал их и так скудные запасы еды и забирал в свое пользование всю пригодную для обработки землю, которой до него пользовались местные жители. Все местное население – включая знатных людей, старейшин, женщин и детей – он считал своей собственностью и заставлял работать день и ночь без всякого отдыха и только на него».

Рассказывая о завоевании Новой Гранады (современная Колумбия), Лас Касас описывает стратегию испанцев в действии:

«Чтобы добиться своей заранее поставленной цели и захватить все золото, какое только можно, испанцы действовали как обычно: они распределяли между собой всю землю (они называли это «вверить попечению друг друга»), а также все поселения со всеми жителями, которые потом использовались как рабы. Командир испанского отряда отнял у местного короля огромный участок земли для себя и заключил правителя в тюрьму на шесть или семь месяцев, незаконно требуя с него все больше и больше золота и изумрудов. Король, именовавшийся Богота, был так напуган, что в попытках спастись из цепких лап своих мучителей он согласился наполнить целый дом золотом и отдать его конкистадорам.

Чтобы выполнить обещание, он послал своих людей за золотом, и они шаг за шагом начали заполнять дом золотом и другими драгоценностями. Однако весь дом им заполнить не удалось, и испанцы в конце концов объявили, что лишат его жизни за нарушение обещания. Командир испанцев постановил, что он как представитель закона будет судить короля за нарушение клятвы. Король был приговорен к жестоким пыткам, избежать которых он мог, только исполнив обещание до конца и наполнив золотом весь дом. Его пытали на дыбе, поливали живот горящим свечным жиром, а его

³ *Encomienda* (исп.) – букв. «попечение», «защита».

ноги и шею приковали к шестам железными кольцами. Пока два человека держали ему руки, другие мучители прожгли насквозь его ступни. Время от времени командир испанцев обращался к королю и говорил, что они будут медленно пытаться его до смерти, пока он не прикажет доставить больше золота. В конце концов так и случилось – король не выдержал пыток и умер».

Стратегия и инструменты завоевания, отточенные в Мексике, впоследствии охотно использовались по всей Испанской империи, однако нигде они не достигли большей эффективности, чем в ходе завоевания Перу конкистадорами Франсиско Писарро. Лас Касас начинает свой рассказ об этом так:

«В 1531 году еще один законченный негодяй отправился со своим отрядом в Королевство Перу. Он имел твердое намерение во всем поступать так же, как и его предшественники – покорители Нового Света».

Экспедиция Писарро началась на побережье около перуанского города Тумбес и двигалась на юг. Поднимаясь в горы, 15 ноября 1532 года конкистадоры достигли города Кахамарка, под которым их поджидала армия императора инков Атауальпы. На следующий день Атауальпа, только что разгромивший своего брата Уаскара в битве за наследство их покойного отца, Уайны Капака, в сопровождении свиты явился в распоряжение испанцев. Атауальпа был разгневан рассказами о бесчинствах испанцев, в частности об осквернении ими храма солнечного бога Инти. Что случилось дальше – хорошо известно. Испанцы устроили засаду, капкан защелкнулся. Они перебили охрану и слуг Атауальпы, возможно, до двух тысяч человек, и захватили короля в плен. В обмен на свою свободу Атауальпе должен был пообещать, что наполнит одну комнату дворца золотом и еще две такого же размера – серебром. Король выполнил обещание, но испанцы не сдержали слова, и Атауальпа был задушен в июле 1533 года. В ноябре того же года испанцы захватили столицу инков – Куско и повторили тот же фокус с инкской аристократией: захватывали одного вельможу за другим в плен и вынуждали их отдать золото и серебро. Золото, украшавшее великие культурные сокровища инков, такие как Храм Солнца, было содрано и переплавлено в слитки.

После этого испанцы принялись за население Инкской империи. Так же как и в Мексике, жители были разделены между энкомьендами. Каждому конкистадору из отряда Писарро досталось по одному такому владению. Энкомьенда была главным институтом контроля и организации рабочей силы в период ранней колонизации, но вскоре у этого института появился сильный конкурент. В 1545 году местный житель по имени Диего Гуальпа поднялся высоко в Анды на территории современной Боливии в поисках индейского святыща. Порывом ветра его бросило на землю, и прямо перед его глазами в скале заблистали вкрапления серебра – часть огромного месторождения, которое испанцы называли *El Cerro Rico*, Богатая гора. Вокруг месторождения вырос город Потоси, население которого во времена расцвета, около 1650 года, составляло 160 000 человек, больше, чем в Лиссабоне или Венеции того времени.

Чтобы добывать серебро, испанцам были необходимы горняки – очень много горняков. В заморские владения был назначен вице-король, глава колониальной администрации Франсиско де Толедо, основной задачей которого было решить проблему рабочей силы. Толедо, прибывший в Перу в 1569 году, потратил первые пять лет на поездки по стране и изучение вверенной ему территории. Кроме того, он организовал массовую перепись всего взрослого населения. Чтобы получить необходимую рабочую силу, Толедо, во-первых, переместил почти все коренное население в новые города-резервации (*reducciones*), которые должны были помочь испанской короне эксплуатировать труд местных жителей. Во-вторых, он возродил и адаптировал инкский механизм управления рабочей силой, который назывался *мита*, что на кечуа (языке инков) означает «поочередно». Инки использовали этот

механизм, чтобы принуждать крестьян к работе на государственных плантациях, которые снабжали продовольствием храмы, аристократию и армию. Взамен крестьянам предоставлялась защита и помощь во время голода. В руках Толедо мита, особенно «мита Потоси», стала самой масштабной и тягостной схемой эксплуатации рабочей силы за весь период испанского завоевания.

Толедо очертил огромный район, центр которого совпадал с центром современного Перу и включал большую часть современной Боливии, в общей сложности около двухсот тысяч квадратных миль. Одна седьмая часть всего мужского населения этой территории (только что согнанного в *reducciones*) была обязана работать в шахтах Потоси. «Мита Потоси» действовала в течение всего колониального периода и была отменена только в 1825 году. На карте 1 показан район, в котором действовала мита, наложенный на карту Инкской империи на момент испанского завоевания. Карта демонстрирует, насколько границы района совпадают с центральной частью империи, включающей ее столицу Куско.

Поразительно, но и сегодня вы все еще можете увидеть наследие миты в Перу. Взгляните на провинции Калка и Акомайо. На первый взгляд кажется, что разницы между ними быть не должно. Обе они находятся высоко в горах, обе населены говорящими на кечуа потомками инков. Однако провинция Акомайо гораздо беднее, и уровень потребления у ее жителей примерно в три раза ниже, чем у их соседей в Калке. И жители знают об этом. В Акомайо храбреца-иностранца могут спросить: «Вы разве не знаете, что люди здесь гораздо беднее, чем там, в Калке? Как вам только пришло в голову приехать сюда?» Храбреца – потому что добраться до Акомайо из Куско (административного центра региона, а когда-то – столицы Инкской империи) гораздо труднее, чем в соседнюю Калку. В Калку ведет дорога с твердым покрытием, тогда как дорога в Акомайо в таком состоянии, что проехать по ней можно только на лошади или муле. И в Калке, и в Акомайо жители выращивают одни и те же сельскохозяйственные продукты, но в Калке их продают на рынке, за деньги, а в Акомайо ведут натуральное хозяйство. Это неравенство, заметное как стороннему наблюдателю, так и самим местным жителям, можно объяснить институциональными различиями этих двух провинций – различиями, корни которых уходят во времена Франсиско де Толедо и его плана по эффективной эксплуатации труда коренного населения. Главное различие в истории Акомайо и Калки – Акомайо находилась на территории «миты Потоси», а Калка нет.

Карта 1. Империя инков, сеть инкских дорог и границы области миты

Помимо концентрации трудовых ресурсов и использования миты, Толедо трансформировал энкомьенду в подушный налог – фиксированную сумму, которую ежегодно должен был платить (серебром) каждый взрослый мужчина. Это была еще одна схема принужде-

ния людей к выходу на рынок труда, к тому же уменьшавшая расходы испанских землевладельцев на плату работникам. Еще один институт, распределение товаров (*repartimiento de mercancías*, от испанского глагола *repartir* – «распределять»), также получил свое развитие в период правления Толедо. Под этим термином подразумевалась принудительная продажа товаров местным жителям по ценам, установленным испанцами. Наконец, де Толедо ввел повинность, которая называлась трахин⁴ и заключалась в использовании коренных жителей на испанских предприятиях и плантациях в качестве вьючных животных для переноски тяжелых грузов, например вина, листьев коки и текстиля.

Похожие институты и социальные структуры возникли во всех испанских колониях обеих Америк. После первоначального периода грабежей и охоты за золотом и серебром испанцы создали сеть институтов, нацеленных на эксплуатацию коренного населения. Все меры в диапазоне от энкомьенды и миты до распределения товаров и трахина были направлены на снижение жизненного уровня коренных жителей до минимума и удержание всех доходов сверх этого минимума в пользу испанцев. Такой результат достигался экспроприацией земель, принуждением к труду, высокими налогами и высокими ценами на товары, покупка которых также была принудительной. Хотя эти институты обогатили испанскую корону и сделали конкистадоров и их потомков очень состоятельными людьми, они же превратили Латинскую Америку в континент с самым высоким уровнем неравенства в мире и подорвали его экономический потенциал.

⁴ *Trajin*, дословно – «перевозка» (исп.).

...до Джеймстауна

Когда испанцы в 1490-х годах начали свое завоевание обеих Америк, Англия была второстепенной европейской страной, только-только оправлявшейся от разрушительных последствий гражданской войны Алой и Белой розы. Она была не в состоянии ни принять участие в схватке за золото и другую добычу колонизаторов, ни заняться выгодной эксплуатацией коренного населения Нового Света. Но примерно сто лет спустя, в 1588 году, Европу потряс неожиданный разгром «Непобедимой армады» – флотилии, которую испанский король Филипп II пытался использовать для вторжения в Англию. Победа англичан была не просто военным успехом, это был знак их растущей уверенности в своих силах на море, и эта уверенность в конце концов позволит Англии принять участие в соперничестве колониальных империй.

В свете этих событий не кажется случайностью тот факт, что англичане приступили к колонизации Северной Америки именно в это время, то есть с сильным опозданием. Англичане выбрали Северную Америку не из-за какой-то ее особой привлекательности, а просто потому, что у них не было другого выбора: подходящих для колонизации территорий в Новом Свете больше не осталось. Привлекательные части обеих Америк – те, где было множество серебряных и золотых рудников и многочисленное местное население, которое можно эксплуатировать, – были уже заняты. Англичанам достались объедки с испанского и португальского стола. Когда английский писатель и агроном XVIII века Артур Юнг описывал, где с выгодой производятся «основные товары» (под которыми он разумел сельскохозяйственную продукцию, пригодную для экспорта), он отмечал:

«В целом получается, что производство основных товаров в наших колониях тем меньше, чем дальше колонии находятся от солнца. В Вест-Индиях, наших самых жарких колониях, подушевой продукт достигает 8 фунтов, 12 шиллингов и 1 пенс. На юге континента он уже меньше – 5 фунтов и 10 шиллингов на человека. В центре континента – 9 шиллингов и 6 с половиной пенсов. Наконец, в северных поселениях он составляет всего лишь 2 шиллинга 6 пенсов. Такое распределение учит нас одному – всячески избегать основания колоний в северных широтах».

Первая попытка англичан основать колонию на острове Роанок в Северной Каролине состоялась в 1585–1587 годах и обернулась полным провалом. В 1607-м они попробовали еще раз. В самом конце 1606 года три корабля: «Сьюзан Констант», «Годспит» и «Дискавери» – под командованием капитана Кристофера Ньюпорта отправились к побережью Виргинии. Флотилия, снаряженная Вирджинской компанией,⁵ вошла в Чесапикский залив и поднялась вверх по реке, которую называли Джеймс-ривер, в честь находившегося в тот момент на английском престоле короля Джеймса (Якова) I. 14 мая 1607 года была основана колония Джеймстаун.

Хотя поселенцы с кораблей Вирджинской компании были англичанами, их представление о колонизации было в значительной степени сформировано образцами, которые установили Кортес, Писарро и Толедо. Их первоначальный план состоял в том, чтобы захватить местного вождя, а затем использовать его для получения провизии и для того, чтобы заставить местное население работать на себя.

⁵ *Virginia Company* – общее наименование для двух английских акционерных обществ – Лондонской и Плимутской компаний, основанных в 1606 году для колонизации Северной Америки и торговли с ней.

Когда колонисты впервые сошли на берег, они не знали, что находятся на территории Поухатанского племенного союза, в который входило около тридцати индейских племен и во главе которого стоял великий вождь Вахунсунакок. Столица конфедерации находилась в поселении Веровокомоко, всего в двадцати милях от Джеймстауна. Колонисты планировали для начала изучить местность. Если местных жителей не удастся принудить к работе на колонистов и доставлять им еду, может быть, получится хотя бы начать торговать с ними? Идея, что можно бы и самим работать и выращивать себе еду, даже не приходила поселенцам в голову. Это совсем не то, чем должны заниматься настоящие покорители Нового Света.

Вахунсунакок быстро узнал о прибытии колонистов и отнесся к их намерениям с большой опаской. По меркам Северной Америки, он управлял довольно обширной территорией. Однако у него было много врагов, а в его племенном союзе отсутствовала жесткая политическая централизация, подобная той, что существовала в империи инков. Вахунсунакок решил выяснить намерения колонистов и отправил к ним посланца с сообщением о том, что он желает наладить дружеские взаимоотношения.

С наступлением зимы 1607 года у поселенцев стала заканчиваться еда, но глава управлявшего колонией совета Эдвард Мари Уингфилд пребывал в полной прострации. Положение спас капитан Джон Смит. Капитан Смит, чьи записи являются одним из главных наших источников о первоначальном развитии колонии, был человеком совершенно невероятной судьбы. Родившись в сельской Англии, в Линкольншире, он, вопреки желанию отца, отказался вступить в семейный бизнес, а стал наемником, солдатом удачи. Сначала он воевал в составе английской армии в Нидерландах, потом поступил на австрийскую службу и сражался в Венгрии против войск Османской империи. Попав в плен к туркам в Румынии, он был продан в рабство и принужден работать в поле. В один прекрасный день Смиту удалось как-то расправиться со своим хозяином, и он, захватив хозяйскую одежду и лошадь, смог перейти на австрийскую территорию.

В очередную историю Смит угодил уже на пути в Вирджинию, когда его заключили под стражу на борту корабля «Сьюзан Констант» по обвинению в бунте – он отказался выполнить приказ капитана Уингфилда; его собирались судить, как только корабли достигнут побережья Нового Света. Однако когда Уингфилд, Ньюпорт и другие предводители колонистов вскрыли запечатанные приказы Вирджинской компании, то, к их ужасу, выяснилось, что компания назначила Смита одним из членов управляющего совета Джеймстауна.

Поскольку Ньюпорт отправился обратно в Англию за новыми запасами провианта и новыми людьми, а Уингфилд пребывал в вечной нерешительности и никогда не знал, как поступить, спасти колонию пришлось Смиту. Он организовал несколько торговых делегаций к индейцам, в результате которых удалось обеспечить жизненно необходимый запас еды. Как раз в ходе одной из таких экспедиций Смита захватил в плен Опечанканау, один из младших братьев Вахунсунакока, и Смит предстал перед великим вождем в Веровокомоко. Это был первый европеец, которого видел Вахунсунакок, и, согласно некоторым описаниям этого события, лишь вмешательство дочери вождя Покахонтас спасло Смиту жизнь во время этой встречи. Он был освобожден 2 января 1608 года и вернулся во все еще находившийся на грани голода Джеймстаун. Впрочем, с дефицитом продовольствия вскоре было покончено, потому что в тот же день вернулся из Англии Ньюпорт.

Колонисты Джеймстауна не извлекли уроков из этого первоначального опыта. В 1608 году они продолжили поиски золота и других драгоценных металлов. Они все еще не понимали, что ни торговли с местным населением, ни принуждения его к работе недостаточно, чтобы колония смогла выжить. Смит был первым, кто понял, что весьма успешная модель колонизации, которую создали Писарро и Кортес, попросту не работает в Северной Америке. Ее отличия от Южной были слишком фундаментальными. Смит выяснил, что у жителей Вирджинии, в отличие от инков и ацтеков, не было золота. В своем дневнике он запи-

сал: «Известно, что продовольствие – это все их богатство». Один из первых колонистов по имени Анас Тодкилл ясно выразил в своем подробном дневнике то чувство разочарования, которое испытали Смит и те из колонистов, до которых дошло, что все их надежды рухнули:

«Не было иной заботы, иной надежды, иного труда, иных разговоров, кроме как: где добыть золото, как очистить золото и как нагрузить этим золотом корабли».

Когда Ньюпорт снова отплыл в Англию в апреле 1608 года, он вез с собой груз халькопирита, «золотой обманки». В конце сентября он вернулся в Америку с приказом Вирджинской компании установить более жесткий контроль над местным населением. Компания хотела, чтобы Вахунсунакок был коронован, то есть стал королем и вассалом английского короля Джеймса I. Они пригласили вождя в Джеймстаун, но Вахунсунакок, все еще очень подозрительно относившийся к колонистам, не собирался рисковать тем, что попадет в плен. Джон Смит записал ответ Вахунсунакока:

«Если ваш король послал мне дары, значит, и я тоже король, и это моя земля... Пусть ваш вождь явится ко мне, а не я к нему, и тем более не в этот ваш форт: никогда я не попадусь на такую удочку».

И раз Вахунсунакок не захотел «попадаться на такую удочку», Ньюпорт и Смит вынуждены были сами отправиться в Веровокомоко, чтобы провести обряд коронации. Однако это предприятие обернулось полным фиаско и лишь утвердило Вахунсунакока в решимости избавиться от колонии, причем немедленно. Он запретил своим подданным торговать с англичанами, и Джеймстаун больше не мог покупать продовольствие. Вахунсунакок обрекал колонистов на голодную смерть.

В декабре 1608 года Ньюпорт снова отправился в Англию. С собой он вез письмо Смита, в котором тот умолял Вирджинскую компанию пересмотреть свое отношение к колонии. В Северной Америке нет ни единого шанса на быструю наживу по образцу Мексики и Перу, писал Смит. Тут нет ни золота, ни других драгоценных металлов, а местных жителей невозможно заставить работать и обеспечивать колонистов продовольствием. Смит понял: чтобы появился шанс создать жизнеспособную колонию, работать в ней должны сами колонисты. И он попросил директоров Вирджинской компании прислать подходящих специалистов:

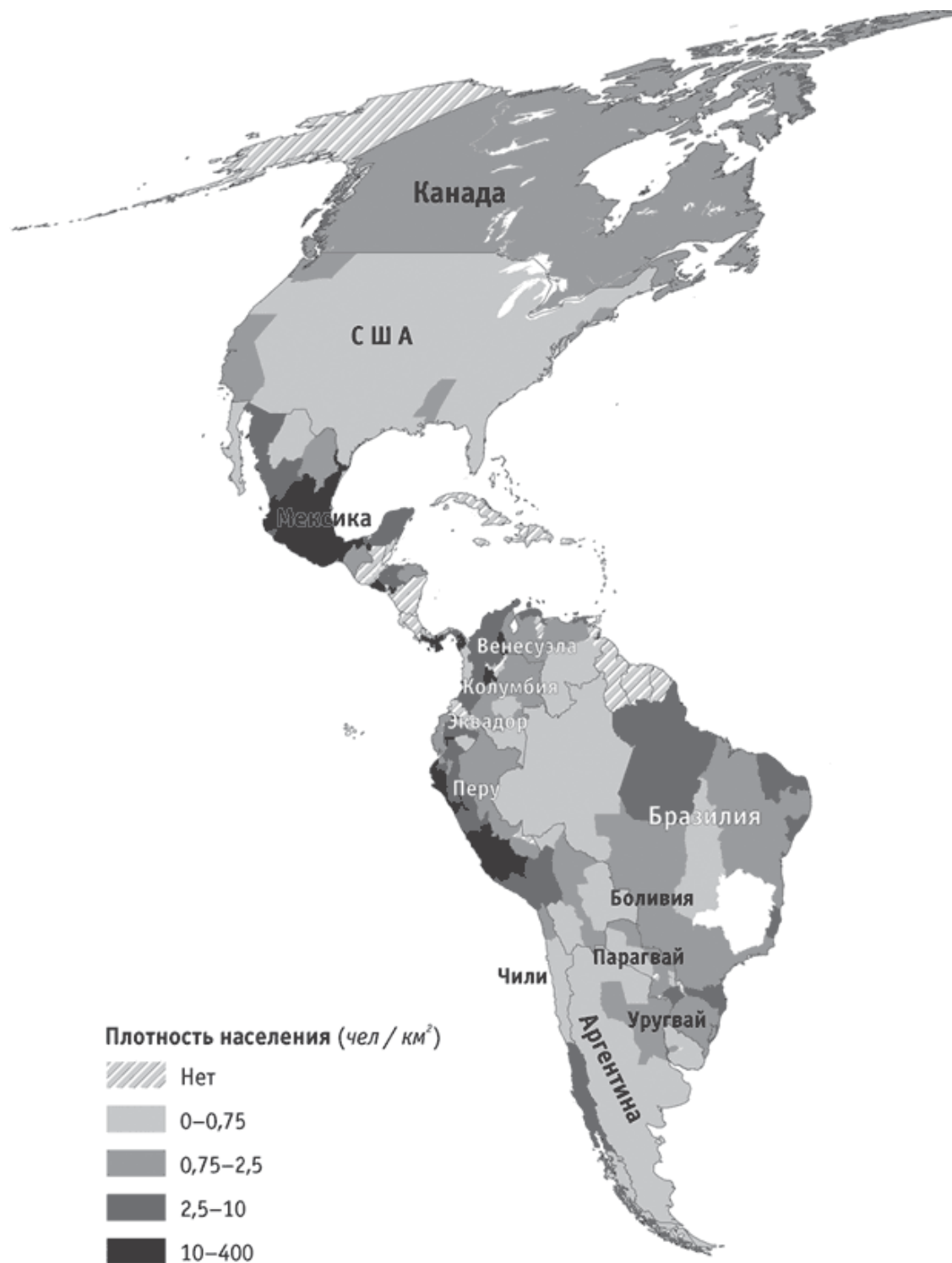
«Когда вы снова отправите сюда людей, я умоляю вас послать лучше три десятка хороших плотников, землепашцев, садовников, рыбаков, кузнецов, каменщиков, землекопов и корчевщиков деревьев, чем тысячу человек наподобие тех, что уже находятся здесь».

Смиту не хотелось снова получить из Англии бесполезных в Джеймстауне золотых дел мастеров. Находчивость Смита спасла колонию. Некоторые местные племена – кого лестью, а кого силой – ему удалось заставить торговать с колонистами. Когда же договориться не удавалось, он отнимал у индейцев все, что мог. В самой колонии Смит пользовался всей полнотой власти и установил правило: «кто не работает, тот не ест». Так Джеймстауну удалось пережить вторую зиму.

Вирджинская компания была создана в расчете на быстрое обогащение, но после двух катастрофических лет по-прежнему не видела даже намека на будущие прибыли. Директора компании решили, что нужна новая модель управления колонией, и вместо управляющего совета назначили в Джеймстаун губернатора. Первым губернатором колонии стал сэр Томас Гейтс.

Вняв некоторым из предупреждений Смита, компания решила испытать кое-какие новые подходы, тем более что события «голодной зимы» 1609–1610 годов отчаянно требо-

вали новых решений. Однако новая система управления не давала развернуться Смиуту, и осенью 1609-го он вернулся в Англию. Без его находчивости в поисках продовольствия и при том, что Вахунсунакок окончательно перекрыл поставки в Джеймстаун, колонисты оказались на грани голодной смерти. Из пятисот человек, числившихся в колонии в начале зимы, до марта дотянули только шестьдесят. Ситуация была столь отчаянной, что в Джеймстауне начался каннибализм.

Карта 2. Плотность населения Северной и Южной Америки в 1500 г.

«Новые подходы», которые предложили колонии губернатор Гейтс и его заместитель сэр Томас Дейл, заключались в строжайшем режиме принудительного труда для английских поселенцев – кроме, разумеется, элиты, которая управляла колонией. Именно Дейл ввел кодекс «Законов божественных, нравственных и военных» (*Lawes Divine, Morall and Martiall*). Они включали в том числе такие положения:

«Ни один мужчина и ни одна женщина не могут перебежать из колонии к индейцам, под страхом смерти.

Любой, кто ограбит огород, частный или общественный, а равно и виноградник, а также тот, кто крадет колосья пшеницы, карается смертной казнью.

Никто из жителей колонии не имеет право продавать или отдавать произведенные в ней товары капитану, матросу, штурману или моряку для вывоза из колонии с целью личной наживы, под страхом смерти».

Раз уж не получается эксплуатировать коренное население, рассуждали в Вирджинской компании, то, может быть, эксплуатировать самих колонистов? Новая модель развития колонии предполагала, что все ее земли будут закреплены за Вирджинской компанией. Работники были расселены по баракам и получали паек, размер которого также определялся компанией. Были сформированы рабочие бригады, каждая из которых отчитывалась перед агентом компании. Это было больше похоже на военное положение, тем более что практически любая провинность каралась смертной казнью. Среди перечисленных выше законов, которые теперь регулировали жизнь в колонии, особенно важным был первый: компания грозила смертью всем, кто попытается убежать. Учитывая новый режим работы, побег и жизнь среди местного населения казались все более привлекательными тем колонистам, которые обязаны были выходить на работы. Еще одним вариантом, если принять во внимание низкую плотность коренного населения Вирджинии того времени, был побег за границу территории, которую контролировала компания. Эти возможности, доступные колонистам, ограничивали власть Вирджинской компании над ними. Она не могла силой принудить всех английских поселенцев к тяжелой работе за минимальный паек.

Карта 2 показывает примерную плотность населения различных регионов обеих Америк ко времени испанского завоевания. Плотность населения на территории нынешних Соединенных Штатов, за пределами нескольких небольших районов, была не больше 3/4 человека на квадратную милю. В Центральной Мексике или Перуанских Андах плотность населения доходила до четырехсот человек на квадратную милю, то есть более чем в пятьсот раз выше. И то, что было возможно в Мексике и Перу, было невозможно в Вирджинии.

Вирджинской компании понадобилось время, чтобы осознать, что первоначальная модель колонизации провалилась в Северной Америке. Еще больше времени ей потребовалось, чтобы понять, что «Законы божественные, нравственные и военные» тоже не работают. И лишь начиная с 1618 года на смену им пришла совершенно новая стратегия. Поскольку силовое принуждение не сработало ни в отношении местного населения, ни в отношении самих поселенцев, пришлось создать стимулы для работы последних. В 1618 году компания утвердила «подушную систему», согласно которой каждый мужчина-поселенец получал по 50 акров земли плюс еще по столько же за каждого члена его семьи и за каждого слугу, которого семья могла привезти с собой в Вирджинию. Поселенцы получили в собственность свои дома и были освобождены от принудительного труда, а в 1619 году в колонии была учреждена Генеральная ассамблея, и каждый взрослый мужчина теперь мог участвовать в разработке законов и управлении колонией. Это событие положило начало демократии в Соединенных Штатах.

Потребовалось двенадцать лет, чтобы Вирджинская компания усвоила свой первый урок: то, что работало у испанцев в Мексике и Центральной и Южной Америке, не работает на севере. На протяжении XVII века компания пережила целый ряд трудностей – лишь ради того, чтобы усвоить второй урок: единственный способ построить жизнеспособную колонию – это дать колонистам стимулы усердно работать и инвестировать.

По мере развития Северной Америки англичане будут снова и снова пытаться последовать примеру испанцев и установить институты, которые жестко ограничивали бы экономические и политические права всех колонистов, за исключением самых привилегированных. Однако каждый раз эти планы будут проваливаться так же, как это произошло в Вирджинии.

Одна из самых амбициозных попыток в этом направлении была предпринята вскоре после изменения стратегии Вирджинской компании. В 1632 году английский король Карл I подарил десять миллионов акров земли на севере Чесапикского залива Сесилу Калверту, лорду Балтимору. Соответствующий документ, известный под названием Мэрилендская хартия (*The Charter of Maryland*), предоставлял лорду Балтимору полную свободу в выборе системы управления своими новыми землями. Раздел VII Хартии гласил, что лорд Балтимор

«для успешного управления сей Провинцией наделяется настоящим Указом полной и абсолютной властью над оной, включая установление и применение там любых законов, какие только он пожелает».

Лорд Балтимор разработал подробный план системы маноров,⁶ американскую версию идеализированной сельской Англии XVII века. План предписывал нарезку земли на участки размером в тысячу акров, хозяевами которых станут лорды. Лорды привлекут арендаторов – они и будут работать на земле и платить ренту привилегированной элите, контролирующей провинцию.

Еще одна подобная попытка имела место в 1663 году, когда была основана и пожалована восьми лордам-собственникам (включая сэра Энтони Эшли-Купера) колония Каролина. Эшли-Купер и его консультант, великий английский философ Джон Локк, составили документ под названием «Основополагающие установления Каролины» (*Fundamental Constitutions of Carolina*), который, как и более ранняя Мэрилендская хартия, рисовал идеал иерархического общества, находящегося под контролем землевладельческой элиты. Преамбула гласит:

«Управление сей провинцией следует привести в соответствие с установлениями нашей монархии, частью коей эта провинция является; и нам следует избегать построения многолюдной демократии».

Положения «Основополагающих установлений» утверждали жесткую социальную иерархию. В самом низу общества располагались литмены (*leet-men*),⁷ причем статья 23 уточняла, что «все дети литменов должны оставаться литменами, и так во всех поколениях». Выше литменов, которые не обладали никакими политическими правами, располагались ландграфы (*landgraves*) и касики (*caziques*),⁸ которым предстояло сформировать местную аристократию. Ландграфы должны были получить по сорок восемь тысяч акров земли каж-

⁶ Манор (*manor*) – феодальное поместье в средневековой Англии, в состав которого входили в том числе и надельные зависимые от феодала крестьяне. Манориальное хозяйство было основано в первую очередь на барщине и других повинностях крестьян. Владелец манора также имел судебную юрисдикцию над ними.

⁷ Досл. «подсудные», «относящиеся к судебной юрисдикции [данного] феодала» – от устар. англ. *leet* – «сеньориальный суд».

⁸ *Kásik* (исп. *Cacique* или *Cazique*) – «вождь» на языке индейцев араваков, коренного населения Антильских островов, первыми из жителей Нового Света вступивших в контакт с европейцами. Испанцы (а за ними и другие колонизаторы) стали обозначать этим словом всех индейских правителей, а со временем так стали называться некоторые должности в колониальных администрациях.

дый. Предполагалось также создание парламента, в котором будут представлены ландграфы и касики, но он имел бы полномочия обсуждать только те меры, которые были заранее одобрены восемью лордами-собственниками.

Однако попытка установить эти драконовские законы в Мэриленде и Каролине провалилась, так же как ранее провалилась подобная попытка в Вирджинии. Похожими оказались и причины неудачи: во всех трех случаях оказалось невозможным загнать поселенцев в жесткие рамки иерархического общества просто потому, что у них было слишком много иных возможностей в Новом Свете. Наоборот, приходилось создавать стимулы для их усердной работы в определенной колонии. И вскоре колонисты начали требовать еще большей экономической свободы и более широких политических прав. Теперь и в Мэриленде поселенцы настояли на получении земли в собственность и заставили лорда Балтимора учредить ассамблею. В 1691 году эта ассамблея вынудила короля провозгласить Мэриленд коронной колонией (*crown colony*)⁹ и тем самым уничтожить политические привилегии, которыми обладали Балтимор и его лорды-собственники. Столь же затяжная схватка определила в конце концов судьбу Северной и Южной Каролины, и опять лорды-собственники проиграли. Обе Каролины стали коронными колониями в 1729 году.

К 1720-м годам все колонии, которые впоследствии составят Соединенные Штаты, имели схожие формы государственного устройства. Во всех были губернаторы и ассамблеи, основанные на представительстве всех мужчин, владевших какой-либо собственностью. Это отнюдь не было демократией; женщины, рабы и колонисты, у которых не было собственности, не могли голосовать в ассамблее. Однако политических прав у колонистов было гораздо больше, чем в большинстве государств того времени. Именно эти ассамблеи и их лидеры объединились, чтобы провести в 1774 году Первый Континентальный конгресс, ставший прелюдией к провозглашению независимости США. Ассамблеи считали, что имеют право определять принципы собственного формирования и самостоятельно устанавливать налоги. Это, как мы знаем, повлекло большие проблемы для английских колониальных властей.

⁹ То есть управляющейся не частным лицом, а губернатором, которого в то время назначал король.

Повесть о двух конституциях

Из вышеизложенного уже ясно, что неслучайно именно Соединенные Штаты, а не Мексика, построили свое развитие на основополагающих документах, которые декларировали принципы демократии, ограничивали возможности правительства и оставляли больше властных рычагов в распоряжении гражданского общества. Документ, который делегаты штатов в мае 1787-го собрались написать в Филадельфии, был итогом длительного процесса, начало которому было положено созданием Генеральной ассамблеи в Джеймстауне в 1619 году.

Процесс, начавшийся после принятия конституции Соединенных Штатов вскоре после обретения ими независимости, и тот же процесс в Мексике, начавшийся чуть позже, также представляют собой разительный контраст. В феврале 1808 года войска Наполеона вторглись в Испанию. К маю они взяли столицу страны Мадрид. К сентябрю испанский король Фердинанд отрекся от престола, борьбу против французов возглавила Верховная центральная хунта (*Junta Suprema Central*). Хунта начала свою работу в городе Аранхуэс, но ввиду приближающейся французской армии вынуждена была переместиться на юг. В конце концов члены хунты обосновались в портовом городе Кадис, который также был осажден французами, но устоял. Здесь хунта учредила парламент – кортесы. В 1812 году кортесы приняли конституцию, впоследствии получившую название Кадисская, которая провозгласила Испанию конституционной монархией, основанной на принципах народовластия. Конституция также декларировала отмену привилегий и утверждала равенство всех граждан перед законом. Эти требования были неслыханными для элит Южной Америки, которые все еще жили в мире энкомьенды, принудительного труда и абсолютного всевластия колониальной администрации.

Коллапс испанского государства в результате вторжения Наполеона породил кризис власти в латиноамериканских колониях Испании. Начались активные дискуссии о том, следует ли признавать власть Центральной хунты, в колониях стали формироваться собственные хунты. Осознание того факта, что независимость от Испании вполне может стать реальностью, было только вопросом времени. Первая декларация о независимости была провозглашена в 1809 году в Боливии, в городе Ла-Пас, однако прибывший из Перу испанский экспедиционный корпус быстро вернул страну под власть Испании.

В Мексике политические предпочтения элиты начали меняться после так называемого восстания Идальго (1810), во главе которого стоял священник Мигель Идальго. Когда повстанцы 23 сентября захватили город Гуанахуато, они убили местного интенданта – высокопоставленного представителя колониальной администрации, после чего начали убивать уже всех белых людей подряд. Это было больше похоже на классовую борьбу или даже этническую резню, чем на движение за независимость, поэтому все мексиканские элиты объединились против восставших. Независимость, которая, как выяснилось, предполагает участие народных масс в политике, пугала теперь не только испанцев, но и местную элиту. В результате Кадисская конституция, которая открывала дорогу для политической эмансипации народа, была воспринята мексиканскими элитами с большим скептицизмом – они бы никогда не согласились признать ее легитимность.

В 1815 году, после краха наполеоновской империи, король Фердинанд VII был возвращен на престол, а Кадисская конституция отменена. Когда испанская корона начала возвращать себе контроль над американскими колониями, она не встретила трудностей в лоялистской Мексике. Однако в 1820 году испанский корпус, готовившийся в порту Кадис к отправке в Новый Свет, где он должен был продолжить восстановление испанского влады-

чества, поднял бунт против короля. Вскоре к бунтовщикам присоединились военные части по всей Испании, и Фердинанд VII был вынужден восстановить Кадисскую конституцию и снова созвать кортесы.

Новый парламент оказался еще радикальнее того, что принял конституцию 1812 года, и предложил отменить все формы принудительного труда. Кортесы также выступили за отмену привилегий, например неподсудность военных гражданскому суду. Столкнувшись с необходимостью принять эти положения в Мексике, местные элиты решили, что лучше пойдут своим собственным путем, и провозгласили независимость.

Движением за независимость руководил бывший офицер испанской армии Агустин де Итурбиде. 24 февраля 1821 года он обнародовал так называемый «план Игуалы» – собственное видение будущего независимой Мексики. План предполагал установление конституционной монархии во главе с императором и отменял те положения Кадисской конституции, которые мексиканская элита считала угрожающими ее привилегиям и статусу. План получил немедленную поддержку, и Испания быстро поняла, что не сможет остановить неизбежное. Но Итурбиде не просто организовал отделение Мексики от Испанской империи. Правильно оценив возникший вакуум власти, он при поддержке военных провозгласил себя императором Мексики – императором, как выразился великий лидер южноамериканской борьбы за независимость Симон Боливар, «милостью Бога и штыка».

Итурбиде не был скован политическими институтами, какие ограничивают власть президентов США; он быстро сделался диктатором и к октябрю 1822 года разогнал созданный в соответствии с конституцией конгресс, заменив его хунтой, составленной из его собственных назначенцев. Хотя Итурбиде недолго продержался у власти, подобная последовательность событий повторялась в истории Мексики XIX века еще много раз.

С точки зрения современных стандартов конституция США тоже не устанавливала полную демократию. Каждый штат имел право по своему усмотрению решать, кто из его жителей может голосовать на выборах. В то время как северные штаты быстро признали такое право за всеми белыми мужчинами вне зависимости от уровня их дохода и размеров собственности, южные штаты шли к этой норме весьма неспешно. Ни один штат не предоставил избирательное право женщинам и рабам, и одновременно с отменой ценза по доходу и собственности для белых мужчин было запрещено участие в выборах всем черным мужчинам. Когда Филадельфийский конвент принимал конституцию, рабство, как известно, также было признано конституционным, и самая грязная борьба разыгралась как раз вокруг распределения мест между штатами в палате представителей. Места должны были быть распределены пропорционально населению штатов, однако представители южных штатов потребовали при этих подсчетах учитывать численность рабов. Северные штаты выступили с протестом. Было найдено компромиссное решение: раб учитывается как 3/5 свободного человека.

Конфликты между Севером и Югом в ходе принятия Конституции и в дальнейшем сдерживались разнообразными компромиссами вроде «правила трех пятых». Со временем появлялись и новые «заплатки», например Миссурийский компромисс, согласно которому при принятии в состав США новых членов надлежало всегда принимать одновременно один рабовладельческий и один нерабовладельческий штат, чтобы обеспечить баланс между сторонниками и противниками рабства в Сенате США. Эти всегда наспех состряпанные «заплатки» все же позволяли политическим институтам США работать в относительно мирной обстановке до тех пор, пока гражданская война наконец не разрешила противоречия в пользу Севера.

Гражданская война в США была кровавой и разрушительной. Но и до, и после нее значительная доля населения Соединенных Штатов, особенно на севере и на западе страны,

пользовалась грандиозными возможностями для развития собственного бизнеса и повышения своих доходов. Ситуация в Мексике была совсем иной. Если США пришлось пережить лишь пять лет политической нестабильности в 1860–1865 годах, то Мексика жила в состоянии постоянной нестабильности в течение первых пятидесяти лет своей государственной независимости. Степень этой нестабильности хорошо иллюстрирует карьера Антонио Лопеса де Санта-Анны.

Санта-Анна, сын чиновника колониальной администрации в Веракрусе, прославился как офицер испанской армии в боях со сторонниками независимости колоний. Однако в 1821 году он перешел на сторону Итурбиде и уже никогда не оглядывался назад. В мае 1833-го он впервые стал президентом Мексики, но исполнял свои обязанности только в течение месяца, после чего предпочел передать их Валентину Гомесу Фариасу. Впрочем, президентство последнего продолжалось всего лишь 15 дней, после чего Санта-Анна вернул себе власть. Однако и в этот раз он продержался не дольше, и в начале июля его снова сменил Гомес Фариас.

Санта-Анна и Гомес Фариас продолжали этот своеобразный «танец» до середины 1835 года, когда Санта-Анну сменил Мигель Барраган. Но Антонио Лопес де Санта-Анна не сдался: он возвращался на пост президента в 1839, 1841, 1844, 1847 и, наконец, в 1853–1855 годах. Всего он был президентом 11 раз, и за время его правления Мексика потеряла Аламо и Техас и проиграла катастрофическую американо-мексиканскую войну, лишившись в результате территорий, которые позже станут американскими штатами Аризона и Нью-Мексико. Между 1824 и 1867 годами в Мексике сменилось 52 президента, и лишь немногие из них пришли к власти в соответствии с регламентом конституции.

Последствия такой беспрецедентной политической нестабильности для экономических институтов и стимулов очевидны. Прежде всего, нестабильность привела к тому, что права собственности оказались не защищены. Она также вызвала значительное ослабление мексиканского правительства, которое почти утратило способность собирать налоги и предоставлять общественные услуги. Пусть Санта-Анна и был президентом Мексики, но он не контролировал обширные территории собственной страны, что позволило США аннексировать Техас. Кроме того, как мы уже убедились, мексиканская декларация о независимости была принята, чтобы защитить экономические институты, сформированные в колониальный период, – те самые институты, которые, по словам великого немецкого географа и исследователя Латинской Америки Александра фон Гумбольдта, превратили Мексику в «страну неравенства». Эти институты, закрепив эксплуатацию коренного населения как основу экономики и всего общества, заблокировали стимулы, которые бы побуждали граждан проявлять инициативу. И в те же самые годы, когда в США пришла промышленная революция, Мексика начала беднеть.

Разработать идею, открыть бизнес, получить кредит

Промышленная революция началась в Англии. Ее первым успехом был полный переворот в технологии производства хлопковых тканей с помощью станков, которые приводились в движение водяным колесом, а позже – паровой машиной. Механизация резко повысила производительность труда рабочих сначала в текстильной, а затем и в других отраслях промышленности. Драйвером технологических преобразований во всех отраслях экономики были инновации, продвигаемые предпринимателями нового поколения, жаждавшими применить на практике свои идеи. Этот расцвет, начавшись в Англии, вскоре перекинулся через океан, в Соединенные Штаты. Люди увидели огромные экономические возможности, которые открывало использование новых технологий, появившихся в Англии. А заимствования из Англии вдохновляли американцев на новые, собственные, изобретения.

Мы можем лучше понять природу этих инноваций, разобравшись в том, кто и как получал патенты на изобретения. Патентная система, защищавшая право интеллектуальной собственности, была формализована в Статуте о монополиях, который был принят английским парламентом в 1623 году и частично направлен на то, чтобы ограничить право короля выдавать жалованные патентные грамоты (*letters patent*) любому, кому он пожелает. Таким образом, исключительное право на тот или иной вид деятельности предоставлялось единственному лицу по произволу монарха.

Зная это, мы будем поражены, что в США патенты получали люди самого разнообразного происхождения и общественного положения, а не только представители богатой элиты. Многие сделали состояния с помощью своих патентов. Возьмите, например, Томаса Эдисона, изобретателя звукозаписи и первой практически применимой электрической лампы накаливания, основателя компании *General Electric*, которая сейчас является одной из крупнейших корпораций в мире. Эдисон был младшим из семерых детей. Его отец, Сэмюэл Эдисон, сменил множество профессий – от кровельщика, обшивавшего крыши гонтом, до хозяина таверны. Томас почти не ходил в школу, однако получил домашнее образование: его учила мать.

В 1820–1845 годах только 19 % новых получателей патентов были детьми образованных специалистов или происходили из семей крупных землевладельцев. 40 % новых держателей патентов окончили лишь начальную школу или вообще не имели никакого формального образования, как Эдисон. Более того, многие из них, как тот же Эдисон, использовали свои патенты, чтобы основать собственное дело. В той же степени, в которой Соединенные Штаты были более демократическими, чем другие страны, в политическом смысле, они были и наиболее открытыми с точки зрения возможностей изобретателей. Это сыграло решающую роль в том, что эта страна со временем стала самой инновационной экономикой мира.

Однако если вам пришла в голову отличная идея, но вы бедны, то одно дело было получить патент – в конце концов, он не так дорого стоил, – и совсем другое – использовать его, чтобы заработать. Один из способов найти начальный капитал – это продать свой патент. Именно так и поступил Эдисон: за 10 000 долларов он продал компании *Western Union* патент на квадруплексный телеграф. Но продажа патента – хороший способ получить деньги только при том условии, что вы, подобно Эдисону, генерируете новые идеи быстрее, чем могли бы их реализовать самостоятельно (Эдисон получил рекордные 1093 патента в США и еще 1500 в других странах мира). Самым же реалистичным способом извлечь выгоду из своего изобретения было открытие собственного бизнеса. Но чтобы начать дело, нужны деньги, а чтобы получить деньги, нужен банк, который даст их вам в долг.